

Годъ изданія девятый.

ФЕВРАЛЬ.

№ 8.

1916.

XVI 45
10

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАННЯЯ ВЕСНА (стих.).
ВЪ ЗВЪРИНЦѢ.
ВЪ ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.
МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА (повѣсть).
СЧАСТЛИВАЯ ПОРА.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

Сани съ лошадкой—для склеиванія.
Невиданный звѣрь—картина.

1875

TBO

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

1875

№ 8. Февраль. 1916.

Годъ изданія IX-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

И. Мейер
Варшавскій

Въ Южной Итали.

РАННЯЯ ВЕСНА.

Идетъ снѣжокъ, но что за дѣло?
Теперь не страшны намъ снѣга;
Грачей ужъ стая прилетѣла,
И подъ водой стоятъ луга.

Валится снѣгъ и тутъ-же таетъ...
О, тай, снѣжокъ, пришла пора!
Скворецъ давно ужъ распѣваетъ,
Трепещитъ на всѣ лады съ утра.

Ручьи стремятся по канавкамъ,
Теперь ужъ скоро ледоходъ...
Привѣтъ теплу, цвѣтамъ, козявкамъ
Весна идетъ, весна идетъ!

Ирисъ.

ВЪ ЗВѢРИНЦѢ.

6. Разсказъ бѣлаго медвѣдя.

Съ самаго утра все еще продолжалась метель, и вѣтеръ задувалъ въ щели звѣринца, но музыка играла, били въ барабанъ и публика приходила смотрѣть на звѣрей до поздняго вечера. Отъ всѣхъ этихъ звуковъ и постоянной духоты и толкотни, повидимому, больше всѣхъ страдала обезьяна, потому что, когда звѣринецъ былъ, наконецъ, запертъ и публика разошлась, она вдругъ глубоко, съ отчаяніемъ вдохнула:

— Боже мой, какъ холодно! Какъ у меня болитъ отъ музыки голова!

Попугай уже спалъ. Онъ засунулъ голову подъ крыло и вздрагивалъ во снѣ. Всѣ звѣри тоже притихли. Какъ вдругъ откуда-то изъ глубины звѣринца раздался хриплый басъ бѣлаго медвѣдя.

— Уфъ, какъ жарко! Мнѣ здѣсь хуже, чѣмъ любому изъ васъ. Ко всѣмъ ужасамъ неволи, для меня здѣсь присоединяется еще и невыносимая жара!

— Кто-же ты? робко спросилъ его стоявшій около его клѣтки носорогъ. — Изъ какихъ ты странъ?

Бѣлый медвѣдь, вдохнуль, по-

качалъ головой и началъ свой рассказъ.

— Я родомъ изъ Сѣвернаго Ледовитаго Океана, изъ тѣхъ странъ, гдѣ не живетъ ни одинъ человѣкъ, гдѣ вѣчно стоитъ зима, гдѣ по холоднымъ волнамъ плаваютъ льдины величиною съ цѣлые дома, гдѣ цѣлые полгода тянется ночь и вслѣдъ за нею наступаетъ громадный полугодовой день. Я изъ тѣхъ вольныхъ, одинокихъ мѣстъ, гдѣ плаваютъ свободные киты, гдѣ сѣверное сіяніе освѣщаетъ ночныя небеса и гдѣ не знаютъ, что такое огонь и тепло... Я родился именно въ тѣхъ мѣстахъ. Какъ только дни стали тамъ становиться короче и наступила осень, — моя мать выкопала въ снѣгу яму, влѣзла въ нее и улеглась. Загудѣли вьюги, повалился снѣгъ и мою мать засыпало въ сугробъ совсѣмъ. Она не двигалась, дремала и цѣлые мѣсяцы не выползала на воздухъ.

— Какъ-же она ѣла и пила? спросилъ медвѣдя слонъ.

— Она тамъ вовсе не ѣла и не пила, продолжалъ бѣлый медвѣдь. — За лѣто на ней было накоплено столько жиру, что цѣлые полгода она могла оставаться безъ ѣды. По мѣрѣ того, какъ она голодала, ея жиръ питалъ ея тѣло, убавлялся на ней, и ей казалось, что она была сыта. Въ берлогѣ ей было уютно и тепло. Сквозь снѣгъ ее не продувалъ вѣтеръ, а

шуба защищала ее отъ сырости. Около января у нея родились я и моя сестра. Мы всегда рождаемся парочками. Мы были прелестными медвѣжатами, величиной съ домашнихъ кошекъ. Казалось страннымъ, что у такого громаднаго звѣря, какъ наша мать, были такіе крошечные дѣтеныши, какъ мы. На насъ былъ мягкій бѣлый пушокъ, какъ бархатъ и мы походили на шарики. Мы сосали свою мать до самаго апрѣля и все это время она по прежнему не ѣла ничего. Затѣмъ, почувявъ весну, она стала разрывать лапами снѣгъ. Отъ долгой голодовки она была слаба и худа какъ щепка. Но она бодро вонзала свои длинные когти въ обледенѣвшую вокругъ насъ массу и было любо глядѣть, какъ во всѣ стороны острыми иглами сыпался ледъ.

— Ты испортишь себѣ лапы! крикнули мы матери. — Тебѣ послѣ больно будетъ ходить!

Она только усмѣхнулась.

— Не бойтесь! отвѣтила она. — Всѣ животныя въ мірѣ ходятъ босякомъ, одни только мы бѣлые медвѣди, имѣемъ на ладоняхъ шерсть. Когда мы разламываемъ ледъ, то намъ не больно, а когда бѣгаемъ по льду, то не скользимъ!

По мѣрѣ того, какъ мать разгребала обледенѣвшій снѣгъ, у насъ въ берлогѣ становилось все свѣтлѣе и свѣтлѣе и до нашего слуха сталъ доноситься какой-то

звукъ, похожій на ревъ. Мать отвѣтила на него такимъ-же ревомъ.

— Это воетъ вашъ отецъ, сказала она намъ. — Всю зиму онъ не спалъ и все бродилъ около этого мѣста, ожидая, когда я выведу васъ на божій свѣтъ. Вѣдняга! Онъ всю зиму прожилъ одинъ! Вѣдь самцы-медвѣди въ берлогахъ не живутъ!

Мы съ нетерпѣніемъ стали ожидать, когда выйдемъ наконецъ на воздухъ. Насъ откапывалъ сверху также и нашъ отецъ.

Но вотъ струя свѣжаго воздуха ворвалась къ намъ въ берлогу и въ первый разъ въ жизни мы увидали свѣтъ. Мать вытолкнула впередъ меня, потомъ мою сестру, потомъ вылѣзла сама.

— Вотъ вашъ отецъ! указала она намъ на большого красиваго медвѣдя, стоявшаго около насъ.

Но въ первую минуту я плохо его разглядѣлъ. Меня ослѣпилъ яркій свѣтъ солнца. Не могу выразить словами той великолѣпной картины, которая представилась вдругъ нашимъ глазамъ. На необозримое пространство тянулась ровная снѣжная степь, сверкавшая миллионами блесковъ. На голубомъ небѣ не было ни одного облачка, вдаль на горизонтѣ ревелъ океанъ и по его поверхности плыли ледяныя горы, бѣлыя до того, что на нихъ было больно смотрѣть.

Нашъ отецъ подошелъ къ намъ

поближе, обнюхалъ насъ и нашу мать и вдругъ поднялся на заднія лапы и сталъ отъ радости переступать ногами. Моя мать тоже поднялась на дыбы, мы — медвѣжата — тоже, и всѣ четверо мы пустились въ плясъ. Затѣмъ мы стали возиться и играть. Наигравшись, я и сестра пососали материнскаго молока. Отъ слабости мать еле стояла на ногахъ.

— А теперь пойдете на добычу! обратился къ матери отецъ. — Ты голодала цѣлые полгода. Тебѣ надо поѣсть.

Мы отправились на берегъ океана и здѣсь, на нашихъ глазахъ, мать бросилась въ воду, долго въ ней плавала и ныряла, ловила рыбу и ѣла. Затѣмъ она вылѣзла изъ воды и была такъ рада, что стала съ отцомъ бороться. Мы стояли въ сторонкѣ и глядѣли на эту ихъ борьбу. Поразмявши свои члены, мать и отецъ растянулись на льдинѣ у самой воды и стали отдыхать. Я и сестра взлѣзли къ матери на спину и задремали. Свѣтило радостное солнце, шумѣлъ безбрежный океанъ и на нѣсколько сотенъ верстъ не было ни единой души, которая тревожила-бы нашъ покой.

Съ этой минуты для насъ потянулись блаженные дни. Мы переходили съ мѣста на мѣсто, мать учила насъ плавать и нырять, мы играли, боролись и вообще наслаждались жизнью. Когда мы уста-

Къ намъ приблизились двое людей...

вали, то отдыхали на спинѣ у матери, а когда хотѣли вдругъ подурить и выйти у нея изъ повиненія, то она въ наказаніе такъ толкала насъ носомъ въ бокъ, что оба мы, и я и сестра, какъ резиновые мячики, отскакивали отъ нея прочь. Вообще мы были веселаго нрава и жили только интересами нашей семьи.

Однажды отецъ остановился и понюхалъ воздухъ.

— Я чую! сказалъ онъ.

— Что ты чуешь? спросила его мать.

Обоняніе у насъ замѣчательное и потому отецъ отвѣтилъ:—

— Я чую, что за двѣнадцать верстъ отсюда гдѣ-то валяетсядохлый китъ! Пойдемте его ѣсть!

— Пойдемте!

И мы всѣ четверо отправились туда, откуда доносился къ намъ запахъ. Мы шли черезъ ледяныя поля, переплывали полыньи, вскарабкавались на горы и скатывались съ нихъ, какъ шары. Чутье не обмануло насъ и дѣйствительно мы увидѣли наконецъ вдали громаднаго дохлаго кита. Отецъ посмотрѣлъ впередъ своими зоркими, безъ рѣсницъ, глазами и сказалъ:—

— Ого! Около кита собралось уже множество другихъ медвѣдей! Какъ-бы они не обидѣли нашихъ малышей! Оставайтесь вы здѣсь и подождите меня. Я скоро къ вамъ вернусь.

Мы остались, а онъ отправился

одинъ. Мы видѣли издали, какъ, наѣвшись, онъ сталъ бороться съ другими медвѣдями, и завидовали ему. Къ вечеру онъ вернулся къ намъ и принесъ намъ огромный кусокъ китовины.

— Ъщьте! сказалъ онъ!

Мы поѣли, онъ поборолся и поигралъ и съ нами и затѣмъ вдругъ неожиданно сказалъ:

— А теперь прощайте! Мы не увидимся уже больше никогда!

— Куда ты? спросила его въ испугъ мать.

— Я воспиталъ дѣтей, отвѣтилъ онъ,—они уже подросли, и теперь я хочу побродить одинъ. Пора и мнѣ развлечься! Я присоединяюсь къ тѣмъ медвѣдямъ и вмѣстѣ съ ними буду переходить съ мѣста на мѣсто цѣлой стаей и заботиться только о себѣ самомъ.

Онъ простился съ нами и ушелъ, и мы остались одни.

— Пойдемте опять въ свои родныя мѣста, сказала намъ мать.

Мы шли и шли, но всѣ мѣста оказались для насъ родными. Да все равно мы не могли-бы и отыскать того мѣста, гдѣ родились! Такъ теперь оно было далеко. Мы ловили рыбу, ѣли яйца полярныхъ птицъ, а когда не встрѣчали ни того ни другого, то довольствовались лишаями и мхомъ.

Однажды мы набрали на какія-то кисленькія ягоды.

— Ъщьте! Ъщьте! обратилась къ намъ мать.—Это клюква!

Мы набросились на ягоды и скоро ихъ не осталось ни одной.

Съ августа уже задули холодные вѣтры, сталъ хлопьями валиться снѣгъ, а въ сентябрѣ начались уже трескучіе морозы. Мать стала закапывать насъ на ночь въ снѣгъ и поверхъ его, чтобы намъ было теплѣе, ложилась на насъ и сама. По утрамъ она откапывала насъ и мы снова отправлялись на добычу.

Однажды, въ поискахъ за ѣдой, мы увидали передъ собою пароходъ. Онъ замерзъ во льдахъ, весь обледенѣлъ и было жалко на него смотрѣть. Изъ его трубы уже не курился дымъ и всѣ снасти на немъ повисли отъ тяжести сосулекъ.

— Что это? спросили мы въ удивленіи.

— Тише! отвѣтила намъ мать.— Здѣсь есть люди! Я чую ихъ по запаху! Они могутъ причинить намъ зло! Тссс!..

Около парохода были сложены ящики съ ѣдой и стояли наготовѣ сани. Очевидно, люди собирались бросить свой пароходъ на произволь судьбы и уѣхать отсюда домой уже на саняхъ. Въ самомъ пароходѣ слышны были человѣчьи голоса и вой.

— Это воютъ собаки! сказала намъ мать.— Ихъ привезъ сюда съ собою человѣкъ, чтобы запретъ ихъ въ эти сани и уѣхать на нихъ отсюда, если его пароходъ застря-

нетъ во льду. Признаться, я ихъ очень побаиваюсь. Но, быть можетъ, они не замѣтятъ насъ и мы успѣемъ разломать хотя-бы одинъ только ящикъ и стащить изъ него ветчину. Вы не знаете, какъ это вкусно!

Она подошла къ ящику и понюхала его.

— Это не ветчина, а медвѣжина! съ брезгливостью сказала она.— Человѣкъ очень любитъ наши окорока. Пойдемте отсюда скорѣй!

И она толкнула насъ своею мордой, давая этимъ знать, чтобы мы какъ можно скорѣе убѣгали впередъ. Въ эту минуту на борту парохода показался вдругъ человѣкъ. Увидавъ насъ, онъ закричалъ своимъ:—

— Скорѣе! Скорѣе! Къ намъ близко подошли медвѣди! Стрѣляйте въ нихъ скорѣй!

Мы испугались и бросились бѣжать. Но не успѣли мы отбѣжать отъ парохода и двухсотъ шаговъ, какъ грянулъ выстрѣлъ. Моя сестра, сидѣвшая у матери на спинѣ, вдругъ застонала и повалилась на снѣгъ. Алая лужица крови образовалась вокругъ нея и запачкала ей бѣлоснѣжную шерсть.

— Ой лапку, лапку! закричала она.—Мнѣ больно лапку!

Мать бросилась къ ней и стала слизывать у нея съ раны кровь.

— Что ты дѣлаешь, мама? воскликнулъ я въ испугѣ.—Брось ее! Бѣжимъ скорѣе!

Интересная книга.

Мать печально покачала головой.

— Теперь ужь поздно! сказала она.—Медвѣдица никогда не бросаетъ своихъ раненыхъ дѣтенышей. Если погибають они, то погибаетъ вмѣстѣ съ ними и она.

Моя сестренка дрожала и корчилась отъ боли. Я глядѣлъ на нее, ужасъ овладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ, но жалость пересилила во мнѣ мой страхъ, — и я тоже подошелъ къ ней и сталъ лизать ее въ глаза и въ носъ.

— Повернись-ка лучше! обратилась къ ней мать.—Вотъ такъ! Дай, я возьму тебя въ зубы и унесу!

Но въ это время раздался второй выстрѣлъ, и пуля угодила моей матери въ животъ. Она заревѣла отъ боли, встала на дыбы и глаза ея засвѣтились непримиримой враждой.

— Не подходи! закричала она человѣку.—Я не отдамъ дешево свою жизнь!

Но человѣкъ выстрѣлилъ въ третій разъ и она закачалась и повалилась на лѣвый бокъ.

— Все кончено!.. простонала она.—Прощайте, милыя дѣтки! Я умираю!..

Она задрожала, вытянулась во всю длину и перестала дышать.

Съ неописуемымъ ужасомъ я и моя раненая сестренка вскочили на ея трупъ и стали ожидать своего конца.

Въ зимнія сумерки.

Къ намъ приблизились двое людей.

— Медвѣдица убита вами, обратился одинъ изъ нихъ къ другому, — значитъ, вамъ принадлежитъ и ея мѣхъ. Ея мясомъ накормите собакъ, а окорока заморозьте и возьмите съ собой въ дорогу. Наблюдайте за тѣмъ, чтобы собаки не наѣлись ея печенки, а то передохнуть: медвѣжья печень ядовита для людей и для животныхъ.

Мы окаменѣли и уже съ покорностью стали ожидать своей судьбы.

— Этого раненаго медвѣженка, продолжалъ распоряжаться человекъ, — добейте и тоже отдайте его собакамъ.

— А что дѣлать съ живымъ, капитанъ? спросилъ другой человекъ.

Капитанъ подумалъ.

— Возьмемъ его къ себѣ! отвѣтилъ онъ. — Маленькіе медвѣжата очень забавны!

Меня сунули въ мѣшокъ и принесли на пароходъ. Тамъ меня привязали на палубѣ на цѣпь. Я сидѣлъ, со страхомъ прислушивался къ вою собакъ, запертыхъ гдѣ то внизу, и тосковалъ. Мнѣ приносили ѣсть и пить, но все было не мило для меня, и мнѣ ужасно хотѣлось свободы и простора ледяныхъ полей. Такъ меня продержали на цѣпи около двухъ недѣль. Затѣмъ изъ парохода

вышли люди, вывели собакъ, которыя, почувавъ меня, были такъ, что у меня отъ страха стыла кровь, запрягли ихъ въ сани, уложили на нихъ ящики, усѣлись сами, усадили на нихъ и меня и помчались куда-то на югъ.

— Прощай, „Жанна“! крикнули они пароходу, и слезы показались у нихъ на глазахъ. — Прощай навѣкъ!

Они сняли шапки, помахали ими въ воздухъ и скоро мимо насъ потянулись ледяныя горы, и поля, сбоку насъ шумѣлъ океанъ, мы мчались куда-то напрямикъ, вовсе не разбирая пути и недѣли черезъ три стали встрѣчать первыя человѣческія жилища. Они были выстроены изъ ледяныхъ глыбъ и жившіе въ нихъ люди были одѣты въ наши медвѣжьи мѣха. А потомъ мы снова оказались на пароходѣ, но уже на какомъ-то другомъ, и поплыли по океану, на которомъ уже не было видно льдовъ. И чѣмъ дальше мы продолжали нашъ путь, тѣмъ становилось все теплѣе и теплѣе, — и съ тѣхъ поръ я уже не знаю больше, что такое пріятный холодокъ нашихъ полярныхъ, сѣверныхъ странъ.

Вы, конечно, спросите меня, что было со мною потомъ? То-же, что и со всѣми вами, томящимися въ этомъ звѣринцѣ. Меня привезли въ Европу и продали въ звѣринецъ. Я выросъ, сталъ для

человѣка опаснымъ и меня посадили въ тѣсную клѣтку—и съ тѣхъ поръ я уже не знаю больше свободы, не вижу я синяго неба, ни моря, ни льда, а только изнываю здѣсь отъ жары и, стоя на одномъ мѣстѣ, по цѣлымъ часамъ качаю тѣломъ и головой, какъ часовой маятникъ, и не знаю, куда дѣваться отъ духоты.

Неужели вамъ и людямъ меня не жаль?

Бѣлый медвѣдь смолкъ. Во семь звѣринцѣ водворилась тишина и каждому изъ томившихся въ клѣткахъ звѣрей вдругъ почему-то сильно, безумно захотѣлось простора полярныхъ морей, гдѣ такъ рѣдко встрѣчается человѣкъ и гдѣ на свободѣ гуляетъ вѣтеръ и гонитъ передъ собою вѣчные, равнодушные льды.

С. Вершининъ.

ВЪ ДОЖДЛИВЫЙ ДЕНЬ.

Былъ неприятный, осенній, дождливый день, и весь большой, еще дѣдовскій, домъ съ колоннами какъ-то странно затихъ. Было тихо и безжизненно и во всей усадьбѣ. Работы были покончены и наступало то время ненастья и бездорожья, когда не хотѣлось ни за что приниматься и какъ-то невольно начинало тянуть въ городъ, къ шумной многочелюдной жизни, къ освѣщенію, къ магазинамъ. Мама сидѣла со своей гостившей у нея племянницей Мари въ гостиной и что-то отъ скуки вышивала. Няня вязала свой безконечный чулокъ. Папы не было дома: онъ уѣхалъ зачѣмъ-то въ городъ.

Слышно было, какъ шумѣли деревья и какъ дождь стегалъ каплями по стекламъ.

— Куда-же это дѣвалась наша

Женя? спросила вдругъ Мари. — Что это ея такъ долго не видно?

— Она сегодня въ дурномъ расположеніи, отвѣтила мама. — Она хоть и милая, добрая дѣвочка, но на нее иногда что-то находитъ. Папа обѣщалъ взять ее съ собою въ городъ, но сегодня такая отвратительная погода, что онъ побоялся за ея здоровье и уѣхалъ одинъ. Ну, вотъ она и разсердилась и прячется гдѣ-то по угламъ. Должно быть, плачетъ...

Няня хотѣла-было встать съ мѣста и отправиться искать Женю, но Мари быстро сложила свою работу и поднялась съ дивана.

— Сиди, няня, сказала она, — я пойду къ ней сама!

Мари была высокая, уже не молодая дѣвушка, некрасивая, но добрая и веселая, — и всѣ любили,

когда она приѣзжала въ усадьбу. Она была сирота, кажется, нуждалась, и то, что она когда-то давно, еще дѣвочкой, жила въ роскоши и баловствѣ, а теперь была лишена всего, — дѣлало ее для всѣхъ еще болѣе симпатичной.

Она обошла весь домъ и заглянула во всѣ любимые уголки Жени, но ее не оказалось нигдѣ. Тогда она вышла въ задній коридоръ. Женья сидѣла тамъ на подоконникѣ, обнявъ колѣни, и хмуро глядѣла въ садъ. Глаза ее были красны и опухли отъ слезъ.

Сначала она вовсе не хотѣла говорить. Но ласка и участіе кухни смягчили ее, она проглотила нѣсколько слезъ и глубоко-глубоко вздохнула, какъ это дѣлаютъ дѣти послѣ долгаго огорченія.

— Папа обѣщаль взять меня съ собою въ городъ... заговорила она. — Тамъ Коля, Надя и Ваня... У нихъ всегда такъ бываетъ весело!.. И вотъ сиди теперь здѣсь одна! Нехорошій папа! Это жестоко съ его стороны! Я не буду его больше любить!

Мари нахмурилась.

— Перестань, Женья! сказала она — Я не хочу этого слушать!

— Почему? удивилась Женья.

— Потому что это наводитъ меня на непріятныя воспоминанія. Въ свое время я сильно была наказана за такія-же слова! Я едва все то пережила.

Женья смутилась. Ей стало

стыдно. Видя, какъ сразу-же разстроилась ее кузина, она вдругъ обняла ее за шею и, чтобы хоть сколько-нибудь смягчить настроеніе, ласково спросила:—

— А что съ тобой, Мари, тогда случилось? Расскажи мнѣ. Я такъ люблю слушать, когда мнѣ что-нибудь рассказываютъ!

Мари сѣла на подоконникъ и сама притянула къ себѣ Женью. Дѣвочка опять обняла ее за шею.

— Ну, такъ слушай, начала Мари.—Тогда я была еще маленькой дѣвочкой, вродѣ тебя. Мы жили съ папой и съ гувернанткой миссъ Джонсонъ. Была еще у меня и няня Назаровна. Всѣ мы любили другъ друга и жили въ роскошной усадьбѣ и ни въ чемъ не нуждались. Мамы у меня тогда не было: она умерла, когда я была еще двухлѣтнимъ ребенкомъ. Папа меня обожаль. Онъ старался угадать каждое мое желаніе, баловаль меня и я, уже тогда привыкшая къ его ласкамъ, все-таки не могла не замѣчать, какъ каждый завтракъ и обѣдъ онъ не спускалъ съ меня глазъ и старался, чтобы я была сыта и сѣла самый лучший кусокъ. По вечерамъ онъ приходилъ ко мнѣ въ дѣтскую и горячо меня цѣловаль. Я притворялась, что сплю, а онъ меня ласкаль и обнималь такъ, что на глазахъ у него иногда появлялись слезы. Но я къ этому скоро привыкла. Я чувствовала себя во всемъ домѣ

королевой. Няня была въ моей власти вполнѣ, а миссъ-Джонсонъ, что-бы я ни сдѣлала, никогда не жаловалась на меня папѣ, а только за каждый проступокъ заставляла меня заучивать наизусть по пятидесяти французскихъ словъ. Я ненавидѣла французскій языкъ. Англичанка была длинная, сухая, никогда не смѣялась и не шутила, ходила всегда въ очкахъ, — но была добрая и искренно меня любила. Къ сожалѣнью, я не умѣла тогда цѣнить ничью любовь.

Папа принималъ всѣ мѣры, чтобы мнѣ было весело: у меня были свои собственные породистыя куры, двѣ собаки и маленькая лошадка, на которой я каталась; ко мнѣ пріѣзжали въ гости сосѣднія дѣти и мы цѣлыми днями бѣгали и рѣзвились по саду; ѣздила и я къ нимъ.

Но больше всего я любила бывать у своихъ кузинъ. Онѣ были чуть не втрое старше меня и все у нихъ было не такъ, какъ у насъ: онѣ отлично читали стихи, пѣли романсы и разыгрывали пьесы, у нихъ всегда было шумно и людно и такъ весело, что я никогда не хотѣла отъ нихъ уѣзжать. Одной изъ нихъ должно было исполниться совершеннолѣтіе и по этому поводу онѣ затѣвали цѣлое празднество. Мой папа получилъ приглашеніе, при чемъ его просили привезти съ собой также и меня. Папа согласился, и я за-

ранѣе предвкушала, какъ буду тамъ веселиться. Эти мои кузины были очень богаты и жили въ своемъ домѣ въ губернскомъ городѣ, такъ что намъ предстояло ѣхать къ нимъ по желѣзной дорогѣ. Можешь себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ я ожидала день отъѣзда! Я считала дни и часы, отмѣчала ихъ по календаріку и не могла наглядѣться на свое новое платье, которое было шито для меня нарочно къ этому случаю. Няня Назаровна и миссъ-Джонсонъ съ серьезными лицами оглядывали меня со всѣхъ сторонъ и то и дѣло давали мнѣ наставленія, какъ себя держать и что говорить.

День наканунѣ отъѣзда показался мнѣ безконечнымъ! Я едва имѣла силъ его пережить. Я хандрила отъ нетерпѣнія и капризничала, такъ что мнѣ пришлось выучить наизусть сразу двѣсти или триста французскихъ словъ. Наконецъ папѣ это надоѣло, и онъ послалъ меня и миссъ-Джонсонъ гулять.

— Только гуляйте, пожалуйста, подольше! сказалъ онъ. — Идите куда-нибудь далеко!

Была ранняя осень, и когда мы вышли изъ дому, то было солнечно и сухо. Но вскорѣ затѣмъ стало хмуриться, собрались тучи и пошелъ проливной дождь. Мы были отъ усадьбы уже такъ далеко, что не могли уѣзжать отъ него и насъ

промочило обѣихъ до костей. Мы вернулись домой мокрыя, какъ губки, и, помню, я очень дрожала. Меня раздѣли, переодѣли, уложили около камина и напоили малиной. Я скоро заснула. Но среди ночи я пробудилась отъ лающего кашля и почувствовала сильную боль въ горлѣ. У меня былъ жаръ. Я вскочила въ испугъ и постаралась подавить въ себѣ приступы кашля, чтобы не разбудить миссъ-Джонсонъ. Она крѣпко спала. Но лающій кашель былъ такъ великъ и мнѣ такъ было трудно дышать, что я все-таки рѣшила ее разбудить. Но въ это время у двери послышался голосъ папы:—

— Миссъ-Джонсонъ, кажется, наша Мари больна!.. Что съ ней?

Англичанка вскочила, накинула на себя халатъ и бросилась ко мнѣ.

— У нея жаръ! отвѣтила она.— Я сейчасъ поставлю градусникъ!

У меня оказалось сорокъ и пять десятыхъ. Тотчасъ-же начался въ домѣ переполохъ, всѣ поднялись на ноги, забѣгали, засуетились, началось леченіе. Гувернантка сварила для меня какое-то питье, папа сталъ растирать мнѣ чѣмъ-то горло и грудь, няня развѣшивала по комнатамъ мокрыя простыни и внесла тазы съ горячей водой, чтобы я могла дышать парами. И дѣйствительно, мнѣ скоро стало легче. Я успокоилась, перестала кашлять и скоро опять заснула.

На слѣдующій день я поднялась съ болью во всѣхъ членахъ и съ сильной хрипотой въ горлѣ, но старалась убѣдить въ домѣ всѣхъ, что я была совершенно здорова. Я болтала, смѣялась и дѣлала нарочно видъ, что хотѣла ѣсть, и, дѣйствительно, черезъ силу, ѣла. Но меня смущали взгляды отца. Онъ какъ-то безпокойно поглядывалъ на меня и сомнительно покачивалъ головой. Что, если онъ не возьметъ меня съ собой! Что, если онъ уѣдетъ къ кузинамъ одинъ! Какъ это будетъ жестоко съ его стороны!

И мои опасенія оказались вѣрными. Я цѣлый день пересиливала себя, хотя это и было иной разъ для меня совершенно не подъ силу, и когда наступилъ вечеръ, и я съ няней осталась одна, онъ привлекъ меня къ себѣ и положилъ мнѣ руки на плечи.

— Дорогая Мари, обратился онъ ко мнѣ, — кажется, я скажу тебѣ сейчасъ нѣчто непріятное. Но ты соберись съ силами, переломи въ себѣ сопротивленіе и постарайся перенести все спокойно. Ты должна остаться сегодня дома.

— Почему? рѣзко возразила я.

— Потому что ты больна.

— Я вовсе не больна. А что я хриплю немного, такъ это пустяки! Тебѣ нянька и миссъ-Джонсонъ наговорили на меня!

Но папа оставался непреклоненъ.

— Я люблю тебя, Мари, сказалъ онъ, — и именно поэтому оставляю тебя дома. Ты должна выздороветь окончательно, а въ городѣ, на балу, ты расхвораться еще болѣе!

Но я не хотѣла ничего знать, ничего слушать и залилась громкими слезами. Я затопала ногами и закричала во весь голосъ:

— Нѣтъ, я поѣду! Поѣду! Я хочу туда ѣхать и поѣду!

— Ты останешься дома! строго крикнулъ отецъ и вышелъ изъ комнаты.

— Это жестоко! въ свою очередь крикнула я ему вслѣдъ и убѣждала въ свою комнату.

Я долго плакала и наконецъ смирилась, легла спать и скоро заснула. Папа не уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, а отложилъ свой отъѣздъ до утра. Я слышала утромъ, какъ онъ подходилъ къ моей двери и стучалъ въ нее, но я притворилась спящей и не отвѣтила ему. Затѣмъ къ дому подали экипажъ. Онъ опять подошелъ къ моей двери и крикнулъ:—

— Прощай, Мари! Будь здорова, дорогое дитя!

Я не отвѣтила ему опять. Онъ сошелъ внизъ, сѣлъ въ экипажъ и уѣхалъ. Я видѣла въ окошко, какъ отъѣзжалъ экипажъ и какъ скрылся за поворотомъ. Мнѣ вдругъ стало невыносимо стыдно своего поступка, какое-то странное чувство одиночества вдругъ овладѣло мною, я не выдержала,

вскочила на подоконникъ и закричала въ форточку:—

— Папочка! Папа! Вернись!

Но было уже поздно. Я осталась одна.

Утро протянулось для меня невыносимо долго. Уроковъ не было, потому что было воскресенье. Такъ-же, какъ и ты сейчасъ, Женя, я сидѣла на подоконникѣ и съ недовольнымъ видомъ смотрѣла въ садъ, гдѣ садовникъ и его помощникъ стребали въ кучи опавшій листь. Няня гдѣ-то бродила по хозяйству, а миссъ-Джонсонъ писала письма къ своимъ родственникамъ въ Англію. Она всегда это дѣлала по праздникамъ.

И вдругъ мое вниманіе привлекла къ себѣ кучка людей, шедшихъ по дорожкѣ отъ калитки къ парадному крыльцу.

„Что-бы это могло быть?“ подумала я.— „Что это люди несутъ?“

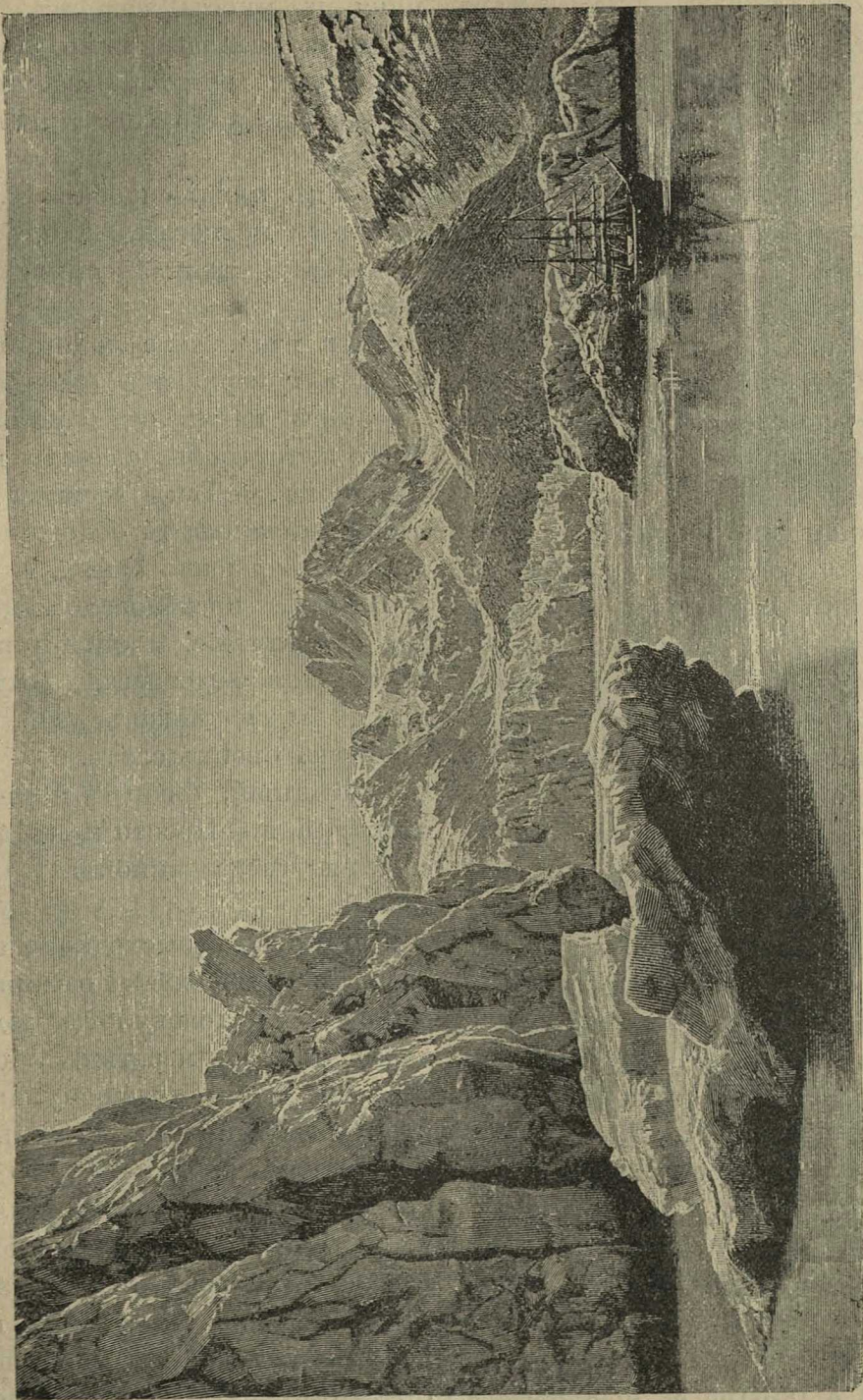
Четверо или пятеро человѣкъ медленно приближались къ дому, какъ-то странно переглядывались между собой и озирались по сторонамъ. Въ одномъ изъ нихъ я узнала желѣзнодорожнаго сторожа. Къ нимъ вскорѣ присоединился и нашъ садовникъ, а его помощникъ со всѣхъ ногъ бросился къ заднему крыльцу.

Какъ вдругъ я услышала пронзительный визгъ. Блѣдная, какъ полотно, горничная прибѣжала ко мнѣ и замахала мнѣ руками.

— Не выходите, барышня, на

Въ полдень.

На дальнемъ Сѣверѣ.

дворъ, закричала она. — Тамъ страшно!

— А гдѣ няня? спросила я ее, почувствовавъ, какъ забилось у меня сердце.

— Она тамъ, внизу!.. Ей дурно!

Я какъ была, такъ и похолодѣла на мѣстѣ.

Затѣмъ вошла въ комнату миссъ-Джонсонъ.

— Мери, обратилась она ко мнѣ какимъ-то страннымъ голосомъ.— Стань на колѣни! Давай молиться Богу!

Все еще не понимая, въ чемъ дѣло, я опустилась вмѣстѣ съ ней на колѣни и мы стали горячо молиться. Когда мы сказали обѣ „аминь“, то она, эта хладнокровная, никогда не волновавшаяся англичанка, вдругъ закрыла платкомъ глаза и стала плакать.

— Да въ чемъ дѣло, миссъ? робко спросила я.—Что случилось?

Она вздохнула, покачала головой и серьезно сказала:—

— На все воля Господня! Сейчасъ пришли со станціи люди и сказали, что тотъ поѣздъ, съ которымъ поѣхалъ твой папа, потерпѣлъ крушеніе!.. Они принесли сюда одного изъ раненыхъ... Всѣ вагоны разбиты!

Я взвизгнула и лишилась чувствъ. Для меня было больно и невыносимо, что я такъ холодно разсталась съ отцомъ.

Когда я очнулась, то я лежала уже въ постели. Около меня были

няня и миссъ-Джонсонъ и обѣ были съ заплаканными глазами. Былъ уже вечеръ. Во всемъ домѣ было тихо и это меня пугало еще больше.

— Гдѣ папа? спросила я.

Отвѣта не послѣдовало.

— Папа живъ? спросила я опять.

Няня приложила ладонь къ глазамъ, а гувернантка отвернулась.

— Всѣ наши люди уѣхали на мѣсто катастрофы, сказала миссъ-Джонсонъ.— Тамъ нужны руки, чтобы раскапывать обломки... Мы здѣсь совершенно однѣ...

Затѣмъ послѣдовало долгое-долгое молчаніе. Я стала плакать, плечи мои вздрагивали отъ рыданій, и я никакъ не могла сдержать своихъ слезъ.

— Бѣдный, бѣдный папа! воскликнула я.—Прости меня! Я такъ сегодня была виновата передъ тобой!

И чувство безысходнаго одиночества вдругъ охватило меня всю, я подсунула голову подъ подушку долго плакала и затѣмъ заснула.

Среди ночи я проснулась въ крайнемъ удивленіи. Я услышала внизу голоса. Кто-бы это могъ быть? Кто-бы это говорить? Я вскочила на постелькѣ на колѣнки и стала прислушиваться. Въ эту-же минуту и миссъ-Джонсонъ вошла ко мнѣ и, веселая, улыбающаяся, стала обнимать меня и цѣловать.

— Онъ живъ! Онъ спасенъ! по-

вторяла она. — Его нашли подь обломками совершенно невредимымъ! Только...

Она не договорила, что именно было „только“...

Безумная радость вдругъ овладѣла мною. Я стала, какъ безумная,

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ? закричала я. — Дайте мнѣ его сейчасъ сюда! Я побѣгу къ нему сама!

Но миссъ-Джонсонъ удержала меня.

— Сейчасъ у него докторъ, сказала она. — Онъ дѣлаетъ ему перевязку. У него оказалась вывихнутой рука!

Вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ въ дѣтскую вошелъ самъ папа. У него была правая рука на перевязкѣ.

— Здравствуй, Мари, весело крикнулъ онъ мнѣ. — Миръ тебѣ! Вотъ и я!

Я хотѣла броситься къ нему на шею, но меня опять удержали. Я могла причинить ему боль. Я почувствовала, какъ все вокругъ меня замелькало, какъ въ ухахъ у меня зашумѣло, застучало, и какъ кровать выскочила вдругъ изъ подъ меня и вмѣстѣ съ комнатою и съ папой и миссъ-Джонсонъ подалась куда-то въ бокъ.

— Папочка! воскликнула я. — Это я во всемъ виновата! Я не пожелала тебѣ счастливаго пути... Прости меня.

И я опять лишилась чувствъ.

Но отъ радости не умирають. Я скоро пришла въ себя и часъ спустя, сидѣла уже одѣтая, въ столовой и слушала папинъ рассказъ о томъ, какъ поѣздъ сошелъ съ рельсъ и какъ онъ лежалъ подь обломками одинъ съ вывихнутой рукой и ожидалъ, когда его найдутъ и подадутъ ему помощь.

Это былъ очаровательный вечеръ въ моей жизни. Я была счастлива, но какой дорогой цѣной я заплатила за это счастье! Вѣдь я на волосъ была отъ полного сиротства!..

Мари окончила свой рассказъ. Женья смотрѣла на нее большими, опухшими отъ слезъ глазами и вдругъ, бросилась къ ней на шею и прижалась своей щекой къ ея лицу.

— Не буду я больше сидѣть здѣсь на окнѣ! сказала она со вздохомъ. — Пусть папа повеселится у Коли, Нади и Вани одинъ! Счастливаго ему пути! Значить, такъ нужно, чтобы я осталась дома, а онъ уѣхалъ безъ меня!

И веселая, успокоившаяся, она схватила Мари за руку и обѣ вмѣстѣ онѣ побѣжали въ гостиную, гдѣ мама все еще сидѣла за вышиваньемъ, а няня вязала у окошка свой безконечный чулокъ.

К. Тр.—

СЧАСТЛИВАЯ ПОРА.

Цѣлый день подь небесами
Такъ привѣтливо весной,
Что хоть цѣлыми часами
Не вернулся бы домой!

Отчего-жь я не скучаю?
Отчего я слезъ не лью?
Отчего заботъ не знаю
И пою, пою, пою?

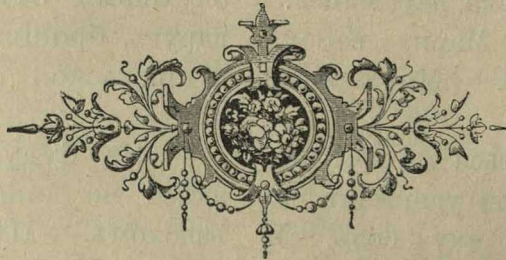
Оттого, что безъ изъятя
Все роднымъ считаю я:
Для меня всѣ люди — братья,
Звѣрь и птичка — мнѣ друзья.

Я люблю ходить по травкѣ,
Птичкѣ помощь оказать
И помочь жучку, козявкѣ
На цвѣтохъ иль кустъ взлѣзать.

Я люблю прильнуть къ ромашкѣ
Ароматъ цвѣтовъ вдыхать,
Или бабочкѣ, букашкѣ
Свою сказку рассказать.

Иль бесѣдовать часами
Съ вами, птички, на лугу...
Что-же страннаго, что съ вами
Быть счастливымъ я могу?

Viola.

МАЛЕНЬКАЯ ЛИЗА.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

(Продолженіе).

Проснувшись на слѣдующее утро, я приподнялась на локоть и оглядѣлась по сторонамъ. Было свѣтло. Въ открытое окошко доносились щебетаніе птицъ и далекіе крики скота, и яркое солнце наполняло комнату своими лучами. У окна росъ вишневый кустъ, по-
ложительно весь усыпанный уже поспѣвавшими ягодами, и тонкій, еле уловимый ароматъ врывался въ комнату. Было уже поздно.
„Кажется, я проспала“... подумала я и вскочила на колѣнки. Я вспомнила, какъ вчера встрѣтился со мною на какой-то станціи

старичокъ, какъ онъ принялъ во мнѣ участіе и повезъ потомъ къ себѣ.

— Значить, я у него... рѣшила я. — Но гдѣ же я?

Я вскочила съ дивана, подбѣжала босая къ окошку и выглянула въ него. Передо мною разстилался большой фруктовый садъ и вдаль, сквозь деревья, сверкала поверхность пруда. Кричали лягушки и было такъ хорошо и тепло, что не хотѣлось отходить отъ окна.

— А, ты уже встала? слышался позади меня голосъ. — Ну, какъ твоѣ здоровье? Я приходила къ тебѣ уже раза три и вотъ открыла для тебя окошко!

Я обернулась и увидѣла старушку.

— Поправилась? Здорова? продолжала она. — Ну, вотъ и хорошо! Жару нѣтъ... Значить, можешь одѣться и идти пить чай. Я такъ и думала, что ты, дѣточка, захворала отъ усталости. Сейчасъ тебѣ принесутъ воды!

Она вышла и вслѣдъ затѣмъ въ комнату вошла дѣвушка съ тазомъ, кувшиномъ воды и полотенцемъ. Я одѣлась, дѣвушка дала мнѣ умыться и, свѣженькая и аккуратненькая, я снова отошла къ окну и стала въ него глядѣть.

— Пожалуйте, панночка, пить чай, сказала дѣвушка. — Васъ дожидаются!

— А куда? спросила я.

— Какъ выйдете въ коридоръ, то направо, крайняя дверь.

Я отправилась и скоро увидала себя въ свѣтлой стеклянной галлерей. Въ ней было много цвѣтовъ и летали и прыгали залетѣвшіе изъ сада воробьи. У одной изъ стѣнъ стоялъ столъ съ кипѣвшимъ самоваромъ и около него сидѣла старушка въ чепцѣ и бросала воробьямъ крошки. Надѣвъ очки на самый кончикъ носа, старичокъ тоже сидѣлъ у стола и читалъ газету. Завидѣвъ меня, оба они ласково улыбнулись и такой широкою улыбкой, что она сразу заняла всѣ ихъ лица и такъ и осталась на нихъ на долгое время.

— Милая моя! Голубушка! заговорилъ старичокъ. — Такая маленькая и заѣхала такъ далеко!

Онъ притянулъ меня къ себѣ и горячо поцѣловалъ меня въ щеки и въ лобъ.

— Ну, садись, садись!... заговорила и старушка. — Будемъ чай пить вмѣстѣ!

Она налила мнѣ чаю, обставила меня сухариками, ватрушками и пирожками, намазала мнѣ масла на хлѣбъ, и оба старичка съ умиленіемъ стали смотрѣть, какъ я начала ѣсть.

— Кушай, кушай, моя милочка!.. заговорила старушка. — Ъшь больше! Ты вѣдь на чужой сторонѣ! О тебѣ теперь некому позаботиться!

Затѣмъ они стали меня разспра-

шивать, кто я, куда ѣду и зачѣмъ, и, узнавши, что я оставила больную маму одну и ѣду теперь къ больному папѣ одна, оба они прослезились и стали ласкать меня еще больше.

— Но какова?! сталъ восхищаться мной старичокъ. — Ёдетъ такъ далеко одна, чтобы повидаться со своимъ многоуважаемымъ, горячо-любимымъ отцомъ! Анненька, ты только подумай объ этомъ! Ты только представь себѣ всю глубину души этой юной, безстрашной героини! Какъ должны гордиться такой дочерью ея дорогіе родители!

Анненька тоже смотрѣла на меня полными восхищенія глазами, но ее не такъ умиляло то, что я ѣхала къ больному отцу, какъ то, что я находилась сейчасъ на чужой стонѣ.

— Гдѣ-то наша Ниночка? вздохнула она. — Какъ-то ей живется тамъ на чужбинѣ? Бѣдная, бѣдная дѣвчурочка! Что-то съ ней теперь будетъ?

Вздыхнулъ глубоко и старичокъ. Пролетѣлъ тихій ангелъ, всѣ замолчали и еще долго продолжалось это молчаніе.

— Хоть-бы одна добрая душа нашлась! проговорила наконецъ старушка. — Хоть-бы кто-нибудь позаботился о ней и привезъ-бы ее сюда!.. Такъ и умру, — ее не увижу!

— Ничего... старался успокоить

ее старичокъ. — Свѣтъ не безъ добрыхъ людей. Кто-нибудь привезетъ ее сюда. Жаль вотъ только, что нянька-Ольга отъ нихъ ушла! Хорошая была женщина! Рѣдкой честности и доброты! На нее-то ужъ можно было-бы положиться! Хоть и дальняя была, ярославская, — а была для всѣхъ насъ точно родная!

Затѣмъ всѣ встали изъ-за стола. Старичокъ взялъ меня за руку и повелъ меня въ садъ.

Былъ на диво прекрасный день. Было тепло, даже жарко; вишни, сливы и яблоки были положительно отягощены плодами, между вѣтвей летали съ жужжаніемъ пчелы и шмели, щебетали птицы, и съ пруда доносилось неутомное кваканье лягушекъ. Кругомъ росли всевозможные цвѣты, и розы цвѣли такъ буйно и пышно и были такъ душисты, какъ не было этого въ Крыму.

— Здѣсь у насъ хорошо! говорилъ мнѣ старичокъ, ведя меня за руку. — Здѣсь все соединено въ общую очаровательную гармонію, чтобы усладить наши сердца, но ахъ! — Господь не послалъ намъ этого счастья подъ старость! Этотъ сладкогласный соловей поетъ не для насъ, и видъ этихъ ароматныхъ цвѣточковъ уже не усладитъ нашихъ старѣющихъ очей...

Онъ глубоко вздохнулъ и продолжалъ:—

— Когда-то по этому саду бѣ-

гали мои два сына и дочь. Я еще и теперь слышу ихъ радостные, дѣтскіе голоса. Но одинъ изъ сыновей—утонулъ во время купанья, другой, студентъ Императорскаго Россійскаго Московскаго университета, заразился тифомъ и умеръ, а дочь вышла замужъ за хорошаго человѣка, скоро овдовѣла, а затѣмъ заболѣла чахоткой и только недавно скончалась въ Крыму. Она оставила тамъ единственную нашу внучку Ниночку, свою дочь, которая теперь сиротка и не имѣетъ около себя никого. Ей теперь столько-же лѣтъ, какъ и вамъ. Вы—ровесницы. Я написалъ въ Крымъ, чтобы ее привезли скорѣе къ намъ сюда, и мнѣ отвѣтили, что сдѣлаютъ это въ возможной скорости, но развѣ это можетъ успокоить наши бѣдныя сердца?

Мы пришли къ пруду и сѣли на лавочку, на берегу, подъ большой столѣтней липой. Какія-то насѣкомыя кучками летали надъ водой и противоположный берегъ, точно въ зеркалѣ отражался въ ясной поверхности пруда. Кричали иволги и суетились дрозды. Было такъ хорошо, что не хотѣлось уходить.

— Грустно!.. покачалъ головою старичокъ. — Грустно, что такъ сложилась наша жизнь! Большая, красивая усадьба, голубое небо и пышная листва, но не слышно дѣтскихъ голосовъ и полная неизвестность относительно Ни-

ночки! Здорова-ли она? Скоро-ли ее привезутъ сюда! Ахъ, что-бы только я далъ, чтобы отыскать ея няню Ольгу, которая уѣхала вмѣстѣ съ ними въ Крымъ и почему-то должна была отъ нихъ уйти! Она-бы привезла ее сюда, какъ свою родную дочь!

И мы долго еще просидѣли молча. Старичокъ, вѣроятно, думалъ о своей внучкѣ Ниночкѣ, а я съ восторгомъ и дѣтскимъ любопытствомъ озиралась по сторонамъ и задавала себѣ вопросы: Куда я попала? Не сонъ-ли это? Неужели на землѣ еще есть такіе очаровательные уголки, гдѣ и Богомъ и людьми все создано для земного счастья, гдѣ такъ ласково свѣтитъ солнце и такъ вкусно пахнутъ роскошные цвѣты!

И вдругъ издалека донесся до меня какой-то свистъ.

— Что это? спросила я и вздрогнула такъ, точно только отъ него пришла въ себя.

— Это поѣздъ.. отвѣтилъ старичокъ и поглядѣлъ на часы. — Поѣздъ прошелъ.. Здѣсь недалеко полотно желѣзной дороги.

Одно только слово „поѣздъ“ сразу-же привело меня въ себя. Оно напомнило мнѣ о цѣли моего путешествія, о томъ, что время не ждетъ, что мнѣ нужно продолжать свой путь до Петрограда, нужно торопиться, — и все въ одну минуту потеряло для меня интересъ. Я растерянно оглядѣлась по сто-

Пора Ромої

ронамъ, точно ища выхода изъ этого сада, и мнѣ стало казаться, что этотъ прошедшій поѣздъ уже послѣдній и что теперь придется ждать и ждать безъ конца.

— Что, милочка, съ тобой? спросилъ меня старичокъ. — Тебѣ не хорошо? У тебя опять жарокъ?

И онъ потрогалъ меня ладонью за лобъ.

— Нѣтъ... отвѣтила я, — я ничего! Только, только... Мнѣ надо поскорѣе ѣхать въ Петроградъ... Тамъ папа... Онъ меня ждетъ, онъ боленъ... Позвольте мнѣ уѣхать!

Старичокъ поднялся и снова поглядѣлъ на часы.

— Поѣздъ на Курскъ и потомъ далѣе на Москву отходить отъ нашей станціи въ шестомъ часу, сказалъ онъ. — Ты еще успѣешь. Но позволь, я дамъ твоему папѣ телеграмму, чтобы онъ самъ пріѣхалъ сюда. Онъ здѣсь поправится, здѣсь у насъ здоровый климатъ и хорошо. А? А ты тѣмъ временемъ погостила - бы у насъ?

И не дожидаясь моего отвѣта, онъ взялъ меня за руку и повелъ меня въ домъ.

— Лизочка хочетъ отъ насъ уѣхать, обратился онъ къ встрѣтившей насъ на балконѣ его женѣ. — Я, Анненька, хочу пригласить ея папу къ намъ. Ты слышишь? Лизочка хочетъ уѣхать и оставить насъ однихъ!

— Нѣтъ, нѣтъ!.. испугалась вдругъ старушка. — Развѣ это можно?.. Развѣ можно больную дѣвочку отпускать одну! Нѣтъ, нѣтъ, я ни за что на это не соглашусь! У меня сегодня и вареники для нея заказаны, и шоколадъ, и мороженое будетъ!.. Нѣтъ, нѣтъ! Какъ это можно?!

Она тоже засуетилась, старичокъ оставался въ нерѣшительности, не зная, что дѣлать, а я стала плакать.

— Я къ папѣ хочу... сказала я. — Я хочу видѣть папу!.. Я такъ давно его не видѣла!

Старичкамъ стало жаль меня,

Неожиданный снѣгъ.

они сознавали, что было неудобно прерывать мой путь, и въ то же время имъ не хотѣлось и разставаться со мной.

— Останься съ нами! продолжалъ старичокъ. — Я дамъ телеграмму твоему папѣ и онъ тоже сюда приѣдетъ! Мы будемъ съ нимъ кушать вишни, будемъ купаться...

Но я разливалась уже въ три ручья.

— А, можетъ быть, вы останетесь у насъ и на зиму! продолжалъ старичокъ. — Мы выпишемъ сюда и твою маму изъ Крыма! Мы будемъ кататься на санкахъ, я прикажу сдѣлать для тебя и для Нички большую снѣговую гору...

А старушка съ своей стороны предлагала мнѣ разныхъ печеній, лакомствъ и вареній, но кончилось тѣмъ, что я настояла на своемъ и утѣшилась только тогда, когда получила наконецъ отъ нихъ согласіе отпустить меня сегодня же въ Петроградъ.

Позавтракали, пообѣдали, погуляли, затѣмъ я долго ѣла вишни прямо съ дерева,—но все это какъ-то скользило по мнѣ, какъ-то проходило мимо меня, не задѣвая моего сердца. Старушка старалась угостить меня то тѣмъ, то другимъ, старичокъ водилъ меня по усадьбѣ, показывая мнѣ то цыплятъ, то жеребятъ, но тоска по папѣ овладѣла мной, захватила все мое существо, и я ходила,

какъ тѣнь, и все думала о Петроградѣ.

Но вотъ ужъ и пять часовъ. Меня собираютъ въ путь, даютъ мнѣ цѣлый узелокъ пирожковъ, ватрушекъ и сластей, старушка долго меня креститъ, а потомъ всѣ вмѣстѣ мы присаживаемся на минутку, снова встаемъ, выходимъ на крыльцо и меня начинаютъ усаживать въ экипажъ.

— Ты-же смотри, Григорій, осторожно! говоритъ старичокъ. — Когда будешь переѣзжать черезъ рельсы, то посматривай, какъ-бы не попасть подъ локомотивъ! А ты, Лизочка, пиши намъ почаще! Привози своего папу сюда! Мы будемъ ему рады! Да вотъ что! Скажи твоему папѣ, что около насъ сдается прекраснѣйшій хуторокъ. Не хуторокъ, а гнѣздышко. Вотъ-бы вы всѣ переѣхали на лѣто сюда! Вѣдь здѣсь не климатъ—а рай! Везите и маму сюда! Что ей томиться тамъ въ Крыму одной? Здѣсь оба они не только поправятся, а прямо-таки, можно сказать, оживутъ! Наша фамилія—Кульчицкіе. Запомни получше: Куль-чиц-кі-е! А наше имѣніе называется Черепашки! Че-ре-пашки! Отъ слова „черепаха“. А тотъ хуторокъ, о которомъ я говорю, называется Грачики. Чудесный хуторокъ! Не хуторокъ, а райское гнѣздышко!

А старушка тоже суетилась около меня и говорила:—

— Смотри, какъ-бы тебя, дѣточка, не ограбили по дорогѣ! Мало-ли теперь развелось недобрыхъ людей! Не только деньги отнимутъ, да еще и саму-то тебя возьмутъ! Будь осторожна! Обязательно намъ напиши! Непремѣнно приѣзжайте къ намъ всѣ! Мы будемъ васъ ждать!

Они цѣлуютъ меня въ послѣдній разъ, благословляютъ меня, Григорій дергаетъ за возжи, и лошади трогаются въ путь. Дворъ, садъ, длинная аллея изъ пирамидальныхъ тополей, вереница бѣлоснѣжныхъ гераней, идущихъ въ сторонѣ—все это скоро остается позади и я выѣзжаю на дорогу.

— Пиши намъ! раздаются позади меня чуть слышные голоса.— Не забывай насъ!

Забить ихъ! Да развѣ это возможно? Развѣ я смогу когда-нибудь забыть этихъ добрыхъ стариковъ, которые такъ приласкали меня, такъ нѣжно отнесли ко мнѣ и приняли меня, какъ свою? Конечно, я вернусь къ нимъ, я навѣщу ихъ еще не разъ и привезу къ нимъ своихъ папу и маму! Развѣ можетъ быть гдѣ-нибудь лучше, чѣмъ здѣсь?

И пока я такъ думаю, лошади все бѣгутъ и бѣгутъ, вотъ потянулись уже озимыя поля, вотъ изъ края въ край перекинулось желѣзнодорожное полотно и вотъ уже показались вдаль и желѣзнодорожныя постройки. Около водо-

качки стоитъ какой-то поѣздъ и дымить. Мнѣ кажется, что это мой поѣздъ, я боюсь опоздать и прошу Григорія подогнать.

— Ничего, барышня, говоритъ онъ.— Не опоздаемъ! Время еще есть! Этотъ поѣздъ не отходить, а пришелъ!

Но вотъ уже и станція. Я подѣзжаю къ ея крыльцу и только что собираюсь вылѣзти изъ экипажа, какъ на порогѣ показывается какая-то старая-престарая барыня въ черномъ капорѣ. Вокругъ нея съ глубокой почтительностью разступаются носильщики и пассажиры и каждый считаетъ за особенное удовольствіе дотронуться до ея чемоданчика и помочь ей его нести.

— Вячеславъ! Вячеславъ! кричитъ старуха.— Гдѣ ты, Вячеславъ?

— Я здѣсь, бабушка! раздается голосокъ и къ ней подбѣгаетъ худенькій, блѣдный мальчикъ лѣтъ десяти.

Я смотрю на него и какъ-то невольно вздрагиваю. Онъ мнѣ кого-то сильно напоминаетъ лицомъ. Но кого-же? Я стараюсь дать себѣ въ этомъ отчетъ, и самое его имя „Вячеславъ“ наводитъ на меня какія-то особыя мысли,— но въ эту минуту къ станціи подкатываетъ роскошная карета и нѣсколько дюжихъ рукъ усаживаютъ въ нее старуху и мальчика и она быстро уѣзжаетъ прочь.

— Это графиня Костромина... съ почтительностью говорить мнѣ Григорій. — Должно быть, ѣздил съ правнучкомъ въ городъ...

Я вхожу въ вокзалъ, точно во снѣ. Около меня Григорій, которому приказано посадить меня въ самый вагонъ. Мы оба молчимъ и каждый изъ насъ думаетъ свою собственную думу. Свѣтитъ солнце, тепло и пахнетъ свѣже-скошеннымъ сѣномъ. Далеко на горизонтѣ, изъ-за деревьевъ, виднѣются красныя крыши усадьбы гостепріимныхъ старичковъ. Я стою въ ожиданіи поѣзда на платформѣ и гляжу въ высокое небо, гдѣ звонко поетъ радостный, воздушный жаворонокъ, и стараюсь разглядѣть его въ глубокой синевѣ. Но его не видно. Слышна только его пѣсня, и отъ нея трелей у меня на душѣ дѣлается такъ тепло и такъ хорошо, что мнѣ хочется вдругъ прыгать, смѣяться или начать бѣгать по тѣмъ свѣженькимъ лужкамъ, которые виднѣются не-вдалекѣ около желѣзнодорожнаго полотна и изъ которыхъ такъ привѣтливо выглядываютъ изъ травы желтенькіе и бѣленькіе цвѣточки.

Выходитъ сторожъ и звонитъ въ колоколь. Появляются начальникъ станціи и жандармъ. Затѣмъ съ грохотомъ прибываетъ поѣздъ и Григорій вводитъ меня въ вагонъ.

— Прощайте, барышня! говоритъ онъ и снимаетъ шапку.—Дай

вамъ Богъ счастливаго пути! Приѣзжайте до насъ еще разъ!

Онъ выходитъ изъ вагона и еще долго заглядываетъ ко мнѣ въ окно. А затѣмъ все движется въ сторону—и Григорій, и начальникъ станціи, и жандармъ, и станціонныя постройки, слышится подъ поломъ шумъ и поѣздъ отправляется въ путь. Онъ все болѣе и болѣе развиваетъ свой ходъ и, выглянувъ въ окно, я вижу уже одни только поля и лѣса и телеграфныя столбы. Теплый вѣтерокъ обдуваетъ мнѣ, лицо шевелитъ мнѣ волосы и до меня доносится ароматъ полевыхъ цвѣтовъ и цвѣту-щихъ липъ.

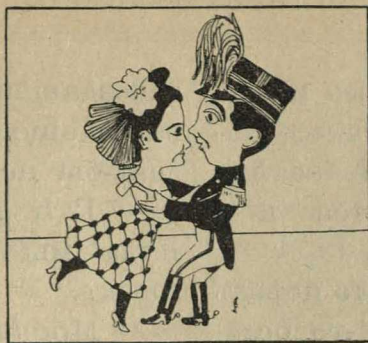
— Послѣ завтра я увижу папу! то и дѣло повторяю я.—Еще сегодня, потомъ завтра и послѣзавтра—и я уже буду въ Петербургѣ!

Заходитъ солнце, бѣлыя мазанки попадающихся по пути малороссійскихъ хатокъ становятся оранжевыми, темнѣютъ лѣса и пѣсни жаворонокъ становятся еще слышнѣе. Около какой-то станціи громко распѣваютъ соловьи. Слышится малороссійская рѣчь и отъ всего, и отъ природы, и отъ людей и даже отъ самихъ вагоновъ и станцій вѣетъ чѣмъ-то ласковымъ и милымъ, чѣмъ-то такимъ, чего нѣтъ на сѣверѣ совсѣмъ.

— Но кто-же это такая графиня Костромина? задаю я себѣ вопросъ.—Кто этотъ мальчикъ Вячеславъ? Кого онъ мнѣ напоминаетъ?

1) Коля отправился на бал к соседям. Он был наряжен в костюм французского генерала.

2) На балу он много танцовал. Всем понравился его костюм.

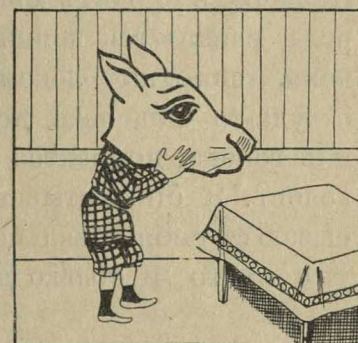
3) И даже сама хозяйка дома поздравила Колю с успехом.

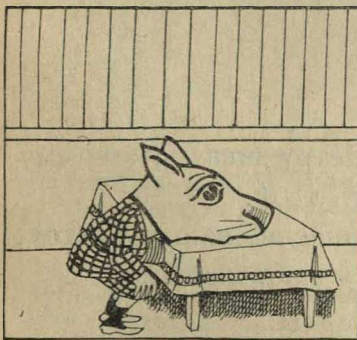
4) От радости Коля даже запрыгал. Успех вскружил ему голову.

5) И чтобы узнать, не говорят ли о нем у соседей и на другой день, он потихоньку отправился в их дом.

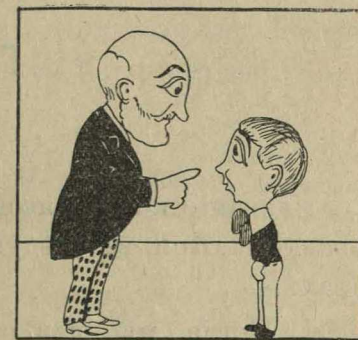
6) В одной из комнат еще от вчерашнего дня лежала картонная маска телячьей головы.

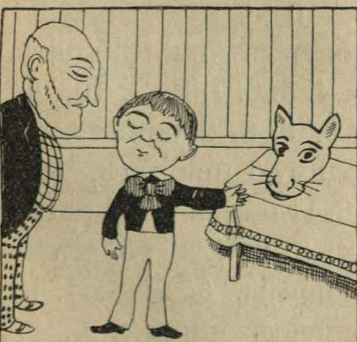
7) Коля надфел ее и спрятался за стол, чтобы подслушать, что о нем будут говорить.

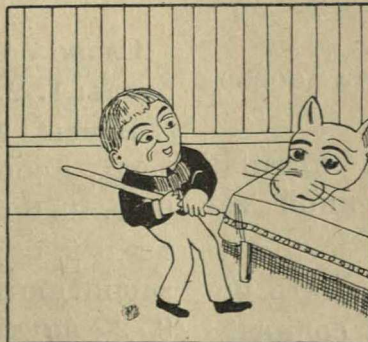
8) Вошли папа, мама и сын, у которых вчера был бал.

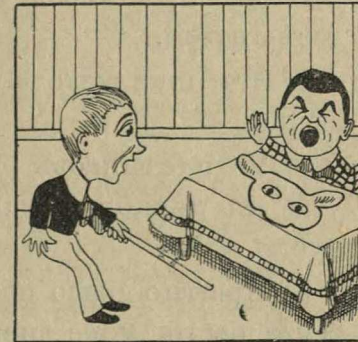
9) Папа сказал сыну: — Теперь за дело! Довольно уже повеселились. Я не желаю, чтобы ты был бездельником.

10) — Папа, ответил сын. — Видишь ты вот эту маску телячьей головы, в которую я был вчера наряжен?

11) Чтобы тебя доказать, что я готов заниматься делом, я сейчас же из всех сил разобью ее палкой!

12) И он ударил по маске. — Ай-ай-ай! закричал вдруг Коля, которому удар пришлось по голове. — Не буду! Простите! — И за дело: не ходи подслушивать!

Я ложусь на диванчикъ и еще долго думаю о старичкахъ, графинѣ и ея правнукѣ. А затѣмъ мысли мои запутываются и я крѣпко засыпаю.

А когда я просыпаюсь, то поѣздъ стоитъ уже около какой-то большой станціи. По платформѣ взадъ и впередъ ходитъ множество народа, раздаются крики носильщиковъ, свистки локомотивовъ и откуда-то издалека, должно быть, изъ города, доносится звонъ колоколовъ. Я спохватываюсь и сбрасываю съ себя одѣяльце. Въ вагонѣ уже пусто и только два или три

запоздавшихъ пассажира складываютъ еще свои вещи и стараются, какъ-бы не опоздать.

— Гдѣ мы? спрашиваю я. — Куда мы пріѣхали? Какой это городъ?

— Москва! отвѣчаетъ мнѣ пассажиръ.

Боже мой, неужели я такъ долго спала? Уже Москва! Я тоже поспѣшно собираю свои вещи, наскоро умываюсь и выбѣгаю на платформу.

Теперь ужъ недалеко. Завтра утромъ я буду уже въ Петроградѣ и увижу отца!

М. Б—скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Названіе какихъ ягодъ и овощей заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:—

1) Когда мы шли отъ вечерни, никакого мороза не было.

2) Мы принимали на этой недѣлѣ гостей.

3) Эта шкатулка пуста совершенно.

4) У плотниковъ не хватило уже къ декабрю квашенной капусты.

5) Пріятно было наблюдать погруженіе въ море диска солнца.

6) Отдай Петру шкафъ; онъ ему нужнѣе, чѣмъ тебѣ.

7) Мы принесли вашу шляпу, которую вы у насъ забыли.

II.

Шутка. Когда у человѣка столько глазъ, сколько дней въ году?

III.

Слово состоитъ изъ одиннадцати буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. 11.

Буквы 1. 9. 3. 8. 2 означаютъ вещь, необходимую при ѣдѣ, 5. 7. 6. 9. 10. 6. 7. 8. 11—человѣка, носящаго кокарду, 3. 2. 1. 9 то, чѣмъ защищаются пчелы, 6. 2. 5. 7. 6. 8. 2—внутренность пирога, 6. 9.

5. 6. 7. 8. 11 — то, что горитъ ночью, 10. 2. 1. 4. 3. 6. 7. 8. 11 — повалившіяся деревья и сгнившія вѣтки, 8. 9. 5. 2. 6. 11 — капусту, 10. 9. 7. 6. 11 — солдата, 8. 2. 1. 7. 6. 2 — ягоду, 1. 4. 3. 2. 6. 8. 2 — печку, 8. 2. 1. 2. 5, 11 — печенье, 4. 3. 4. 10. 7. 8. 2 — ягоду, 8. 6. 7. 3. 8. 2 — то, что читаютъ, 5. 4. 1. 6. 9. 8. 11 — лодку. Найти всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ фамилію русскаго писателя прошлаго вѣка.

IV.

Даны три слова:

3) — аtv — = то, что бываетъ лѣтомъ.

2) — орл — = то, что есть у животныхъ и человѣка.

1) — усл — = то, по чему течетъ рѣка.

На мѣстахъ черточекъ поставить буквы такъ, чтобы получились задуманныя слова. Затѣмъ разставить эти слова въ такомъ порядкѣ, чтобы изъ слоговъ, которые получатся изъ каждой ихъ первой и послѣдней буквъ, могло получиться новое слово, которое означаетъ предметъ, необходимый при упаковкѣ вещей.

Какія это слова и какой это предметъ?

V.

Шуточные вопросы. 1) На окошкѣ сидитъ звѣрекъ, очень похожій на кошку. Такія-же лапки, такія-же ушки. Совсѣмъ, какъ кошка, точь въ точь, а не кошка. Какой это звѣрекъ?

2) Почему нѣкоторые люди носятъ именно бакенбарды?

Рѣшеніе головоломки и ребуса № 7, помѣщенныхъ въ № 6, «Золотою Дѣтства».

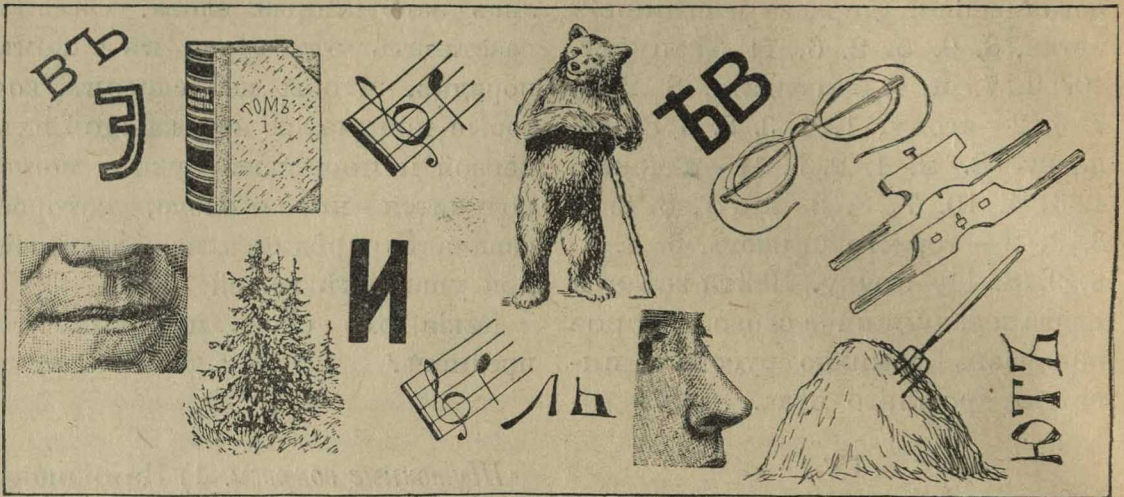
Головоломки: I. Лыко, перо, слива = корова II. Совпаденіе (совъ паденіе). III. Бурка, гитара, берегъ, карета, канатъ, труба, гранитъ, бананъ, картина, рубинъ = Екатеринбургъ. IV. Марка, кошка, русло, нога = макарона.

Ребусъ № 7: Скрипка + ре + ты подъ о + рога + ъ + на р + уши + лъ + п + око + й + сто + рожа + а = Скрипъ кареты по дорогѣ нарушилъ покой сторожа.

Вѣрные рѣшенія въ эти двѣ недѣли прислали: — К. Авдѣнъ, Муса и Ида, М. Кукушкинъ, Н. Сибсарева, Л. Епифановъ, Е. Сазонова, К. Озембловскій, Дядя-Пудъ, М. Ивицкая, С. Федоровичъ, Н. Чиркова, С. Герасимова, Ж. и Л. Цвѣтovy. Н. Померанцева, Т. Казицкая, А. и С. Шатовы, М. Котлеръ, Р. Король, С. Богдановскій, В. Шатунова, В. и М. Елчаниновы, Н. Дифнулисъ, Н. Губаръ, Н. Гершельманъ, В. Тугановъ, Т. Святотгоръ-Штепина, Ж. Лав-

рентьевъ, А. Нефедова, Т. и С. Бушмины, М. и Л. Курбатовы, Э. Парамонова, В. Захаровъ, В. Колодезникова, Э. Додонова, Н. Рымашевская, Л. и Г. Растверяевы, С. Богдасева, К. Добромыслова, Т. Вернадкая, А. и П. Мустановы, А. Тучкина, М. Керстенсъ, Е. Кисинъ, В., В. и Л. Исиковы, Мумка и Булка, И. и М. Андриановы, С. и Л. Миримановы, Б. Полякъ, III. и Э. Киселевы, Б. и Ю. Крохины, III. Щербаковъ, Вася, Вѣрочка и теть Нюта, Н. Александровская, Н. Фроловъ, Л. Аппаксина, Н. О. и Н. Колчины, О. Климова, Порадѣловъ, Г. Эяненбергъ, Т. Дворниковъ, М., А. и М. Бергштрессеръ, Б. Михалевъ, А. Бейпротъ, В. Рымарева, М. Граббе, Н. Ж. и Л. Ивановы, С. Лубенцевъ, Т. Бунина, Н. и П. Фанъ-деръ-Флитъ, Т. Зѣнченко, Л. Федорова, Л. Пескова, В. и В. Авдуловы, Г. Пыхачевъ, I. и М. Денисьевы, Арбузовы, В. Машарскій, В. Крыгинъ, С. Горбенко, М. Бѣлинская, И. Вальдбергъ, Клепъ, А. Я. Сиверсъ, Н. Еллидифоровъ, А. Ватсонъ, Ф. Киссель, Гриштутикъ и Оксаочка, К. и В.

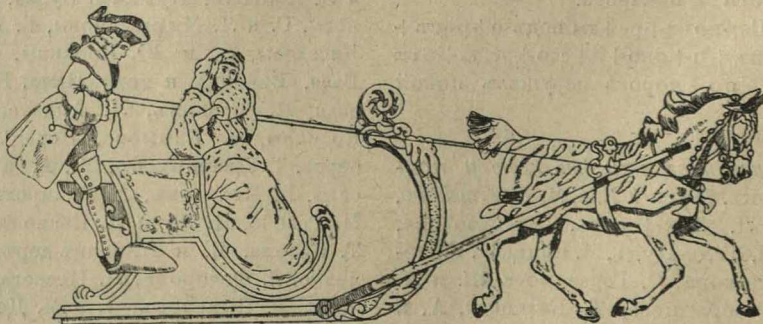
Ребусъ № 9.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

Кратовы, Ш. Кирикова, М. Бодамтъ, П. Березовъ, Н. Иванова, Г. Зальковский, Б. Шредеръ, Ж. Оменко, Ю. Воробьевъ, А. Цхамелидзе, М. Акулова, В. и В. Богдановы, Г. Фокинъ, А. Самушичъ, И. Григорьева, А. Лукьяновъ, А. Никитинъ, Т. Смирнова, А. Кругляковъ, Н. Дилъ, П. Бразовскій, Т. Курдяева, Семковскій, Н. Шеметилло, З. Барабинъ, В. и Л. Мацѣвскіе, И. и В. Шафрановскіе, И. Ручъ, О. Леонтовичъ, В. Голдфарбъ, В. Шпрингбахъ, Т. Ивановъ и Ѳ. Никулинъ, Л. Эверарди, М. Медеръ, А. Щуровская, В. Крестовскій, Ж. Таргинская, В. и К. Пастрюлины, В. Духовниковъ, Ф. и О.

Рабиновы, В. Нейвейлеръ, К. Рожденственскій, А. Кругляковъ, И. Нарцисовъ, П. и Р. Становые, В. Стабриковъ, И. Рудныхъ, В. Костроминъ, Лиля Курицына, И. и К. Хитрово, Н. и Е. Синкевичъ, Т. Цеслинскій, Л. Черевкова, Л. Мишина, Г. Осинъ, Т. Моисеевъ, Ж. Зелиманъ, З. Лисафьева, Л. Ниренбергъ, С. Гордонъ, Сима изъ Лѣвого, К. Чичиринъ, В. и В. Пастуховы, Б. Двурѣченскій, Л. Теръ-Иоаннесянцъ, З. Пашковская, Ж. Сѣнновъ, Т. Ярошевская, Н. Бергштрессеръ, И. Падрикъ, В. Церлингъ, Т. Ясюнская, А. Николаевъ, А. Порадовскій, Б. Кожевниковъ.

Модель приложенія къ этому номеру.

Годъ девятый.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1916 годъ.

на художественно-литературный журналъ
для дѣтей (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 въ годъ номера).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

— Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАЮТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 КАРТИНЪ для украшенія дѣтской.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (домики, мебель, экипажи и проч. и проч.).

Особое приложеніе для годовыхъ подписчиковъ:

Книга съ иллюстраціями:

„БРАТЪ И СЕСТРА“.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ выпискѣ въ ученическія библіотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 4 р. 80 к., на полгода—2 р. 40 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

4 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 копѣекъ почтовыми марками.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей:

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за 1914 годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 4 руб. за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ по 45 коп. за экземпляръ).

МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.

Петроградъ, [Каменноостровский просп., 26.

Журналъ «Золотое Дѣтство» за 1915 г. разошелся весь.

